

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-1-93-97

ВОСПРИЯТИЕ М.М. БАХТИНА НА ЗАПАДЕ: НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ

В.Н. Белов

Сочинский институт Российского университета дружбы народов
ул. Куйбышева, д. 32, г. Сочи, Краснодарский край, Россия, 354348

В предлагаемой работе приведен перевод вводной части небольшой работы туринского профессора Роберто Салиццини, посвященной анализу творчества М.М. Бахтина, и некоторые размышления автора перевода, на которые натолкнули его оценки творчества русского мыслителя, присутствующие в указанной книге итальянского ученого. Прежде всего автор перевода не согласен с уничижительной оценкой творчества Бахтина как неоригинального и более того, плагиативного.

Автор перевода утверждает несправедливость преувеличенного влияния на концепцию Бахтина литературных течений и идей, в том числе и со стороны носителей таковых из так называемого «круга Бахтина». Обосновывается необходимость рассмотрения творчества русского мыслителя как творчества философского, творчества самостоятельного и оригинального. К такому выводу может подвести и утверждение неокантианского происхождения «философских истоков» культурфилософской концепции М.М. Бахтина.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, неокантианство, «круг Бахтина», М.И. Каган, Л.В. Пумпянский, Ф.М. Достоевский

Представленный перевод части небольшой работы известного итальянского философа и исследователя истории русской философии Роберто Салиццини — хороший повод еще раз (и уже который!) обратиться к проблемам восприятия и анализа жизни и творчества одного из самых, — если не самого, — изучаемых русских мыслителей XX в. Михаила Михайловича Бахтина в России и на Западе. Хороший повод потому, что обозначенная работа содержит, пожалуй, весь спектр аргументов в пользу достаточно распространенной точки зрения на оценку творчества русского мыслителя особенно на Западе (но и не только), сводящуюся к тому, что Бахтин не просто неоригинальный и неинтересный философ, он к тому же философ коварный и хитрый, умело использовавший идеи других авторов в своих произведениях, нисколько на таковых не ссылаясь или как-то сие обозначая. Что же касается популярности и известности, которую заслужил этот русский автор, то они во многом (если не во всем) — результат тех обстоятельств, в которых Бахтину пришлось жить и работать. Если бы не было идеологического давления к марксистскому единообразию в гуманитарной теории, если бы не было железного занавеса, препятствующего научной коммуникации России с Западом, никакого «Бахтина» как основы «бахтиноведения», «бахтинистики» не состоялось; в лучшем случае русский мыслитель оказался бы в числе плеяды талантливых (а может и не очень) последователей феноменологии или герменевтики, структурализма или даже постмодернизма.

В какой-то мере такая позиция западного автора — защита, ответ на обвинения некоторых отечественных авторов в непонимании западными исследователями местных реалий (1). В какой-то мере она — обратная сторона того стремления к свехоригинальности Бахтина, того энтузиазма, охватившего буквально всех обращавшихся к анализу творчества русского мыслителя, которые обнаружили в однобоких заиделогизированных презентациях марксизма в советских источниках что-то абсолютно выбивающееся из этого монотонного хора; такое восторженно-вдохновенное восприятие первых лет «открытия Бахтина» делает оценку его творчества зависимым от ситуативных предпочтений исследователя.

Второе, на что здесь хотелось бы обратить внимание и что также выступает одной из причин «негативного отката» в западных оценках его творчества — это попытка представить Бахтина в качестве критика литературы, литературоведа, специалиста в области литературы. Отсюда и такой вывод в предлагаемом отрывке из книги Роберто Салицони о решающем влиянии работ Льва Васильевича Пумпянского на концепцию «автор — герой» Михаила Михайловича Бахтина. Однако более взвешенной и обоснованной представляется утверждение авторитетных отечественных исследователей творчества Бахтина Бочарова и Соболевой. «Несмотря на то, — подчеркивает, в частности, М. Соболева, — что свои основные идеи Бахтин развивает на материале литературы, его эстетику можно охарактеризовать как философскую, которая подготавливает фундамент в том числе и для литературоведческого анализа» [2. С. 475].

Вряд ли стоит в данном случае игнорировать и самооценку того, о ком мы здесь ведем речь. В беседе с В.Д Дувакиным, вспоминая годы обучения в Одессе, М.М. Бахтин прямо заявляет: «Я был уже... Я был философом. Видите, я бы так сказал...

Д.: Вы были больше философ, чем филолог?

Б.: Философ, чем филолог. Философ. И таким и остался по сегодняшний день. Я философ. Я мыслитель» [3. С. 47]. Ах, если бы беседу вел не филолог, а философ! При всем уважении к личности Виктора Дмитриевича Дувакина, все же нельзя не отметить то, что он выстраивал беседу вокруг тем, которые были ему самому интересны; что же касается Г. Когена, П. Наторпа, Г. Риккерта, Э. Кассирера, Ф. Ланге, С. Кьеркегора, В. Вундта, то эти имена, прозвучавшие из уст Бахтина, ему ничего не говорили, о некоторых он слышал впервые, поэтому до нас дошли лишь немногочисленные отрывистые реплики, на основании которых невозможно, конечно, реконструировать всю историю философской школы (школы в широком смысле истоков и позиции) Бахтина, но можно со стопроцентной уверенностью утверждать о том, кем себя всегда считал русский мыслитель и каковы «питательные корни» его философских и литературоведческих размышлений.

Продолжая рассуждения о самоощущении Бахтина как философа, можно обратиться к еще одной «животрепещущей» теме бахтинистики, а именно теме «круга Бахтина» и соответственно теме влияний или взаимовлияний представителей этого круга. Здесь следует заметить, что из всех близких Бахтину людей, входивших в так называемый «круг Бахтина», профессиональным философом, причем получившим философское образование в Марбургской школе неокантианства, был только Матвей Исаевич Каган. Поэтому нетрудно предположить, что именно эта

пара «Бахтин — Каган» должна вызывать наибольший интерес у исследователей. Особенно после того, как появился первый сборник работ М.И. Кагана [4] (2).

И, наконец, последний сюжет, на который хотелось бы обратить внимание в контексте нашей темы — это попытаться ответить на вопрос, каким философом был М.М. Бахтин. В книге итальянского профессора, перевод части которой предлагается вниманию читателей, по этому поводу говорится: «Действительно, прежде всего у раннего Бахтина имеются частые имплицитные и эксплицитные отсылки к Канту, кроме того, сообщения о семинарах и дискуссиях по Канту, но это — Кант, сильно опосредованный русским восприятием начала века, то есть воспринятый через спектр внимания очень своеобразного и в основном враждебного. Действительно, имеется Герман Коген в частности и неокантианство в целом (мы это видели), но после того, как указано на присутствие ссылок, терминов и некоторых концептов его философии, интерпретатор, а не агиограф, спрашивает себя: но все это, какое имеет отношение к Когену и неокантианству? Нельзя отрицать заметного присутствия Шелера в произведениях первой половины 20-х гг., философа, которого обильно использовали, но мало цитировали, и почти никогда для более существенного идейного сближения. Верно, что впоследствии будет подтверждено присутствие Кассирера, ограбленного в монографии сороковых годов, посвященной Рабле, где можно найти целые страницы, обширные цитаты без кавычек и ссылок на источник» [6. Р. 48].

Как не странно, уважаемый автор выразил в процитированном отрывке одну важную мысль: не стоит Бахтина стремиться «приписать» какой-то определенной философской школе. В частности, как отмечает Ю.Г. Карагод, даже в диалогической концепции позиция Бахтина обладает своеобразием и спецификой [7. С. 10].

Однако является ли данная мысль аргументом в пользу отрицания за русским мыслителем собственной философской позиции? Очевидно, что не является. Можем вспомнить здесь и споры вокруг неокантианской принадлежности одного из самых — если не самого — известных учеников Г. Когена Э. Кассирера (3). Но, с другой стороны, и философская эклектика вряд ли является положительной оценкой такой философской позиции. Поэтому опять же, принимая во внимание мнение самого Бахтина (4) и то, что ближайший его соратник был выходцем из этой школы, выскажем осторожное — без достаточной аргументации — предположение о неокантианских корнях в сформировавшейся философской позиции Бахтина, которая уже поэтому не могла быть эклектичной; и в тоже время позиции самостоятельной, творчески усвоившей основные положения марбургской школы, позволяющей вести продуктивный диалог с конструктивными идеями других философских направлений, в том числе феноменологии и герменевтики.

Следует отметить, что в целом к неокантианству в советской и постсоветской философской и общественной мысли существует предвзятое отношение, сформированное трудно преодолимыми стереотипами и обвинениями в методологизме и логизме, представляющими марбургское неокантианство тупиковой ветвью развития трансцендентальной философии Канта, сошедшей на нет после первой мировой войны. С такой предвзятостью трудно сочетается факт общепризнанного влияния неокантианства на развитие культурфилософской парадигмы XX в. (5).

Но как же тогда критика «рокового теоретизма» и «отвлеченного теоретического мира» неокантианства в ранних работах русского мыслителя? Интересную точку зрения высказал по этому поводу известный отечественный исследователь творчества М.М. Бахтина В.Л. Махлин: «У Бахтина вообще довольно необычный подход к предшественникам и современникам: он принципиально критикует тех, кто ему ближе всего по „запросу на идею“, и, наоборот, склонен подчеркивать (а при особых обстоятельствах даже развивать) именно сильные стороны в построениях своих духовно-идеологических и научных оппонентов. Отсюда обычные абберации и провалы при попытках установить действительное отношение Бахтина к неокантианству, с одной стороны, к марксизму, русскому формализму и структурализму, — с другой» [10. С. 445].

Высказанные в данной статье соображения ни в коей мере не нацелены на то, чтобы упростить или «сузить» научные проблемы, связанные с исследованиями творчества русского мыслителя XX в. М.М. Бахтина. Совсем напротив, ее целью можно считать двуединую задачу: поставить предел экстенсивному развитию этих исследований для того, чтобы обратиться к интенсивному развитию таковых. Более конкретно можно выразиться так: анализу следует подвергать культурфилософскую концепцию Бахтина в ее диалогическом варианте. Пусть это звучит, может быть, и не оригинально и не ново, но неутихающие споры вокруг различных тем бахтинистики свидетельствуют о постоянной актуальности обозначенного подхода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) На подобные факты указала, в частности, Е.А. Богатырева. См.: [1].
- (2) Особо следует выделить исследования западного ученого Брайана Пула, см., в частности: [5].
- (3) Вот что замечает по этому поводу авторитетный немецкий исследователь неокантианства Е. Орт: «Тезис о том, что Кассирер преодолел или трансформировал неокантианство, скорее ошибочен, поскольку содержит в себе неверное представление о неокантианстве, ибо неокантианство не являлось постоянной величиной. Оно разрешало и прямо-таки требовало широкой внутренней игровой границы» [8. S. 162].
- (4) Известно высказывание М.М. Бахтина о Германе Когене: «Это был замечательный философ, который на меня оказал огромное влияние, огромное влияние, огромное» [3. С. 40].
- (5) Повторю здесь свою мысль, в другом месте мною обоснованную: «Философия культуры марбургского неокантианства представляет из себя не часть философии как таковой этого направления, не тот полюс неокантианской мысли, к которому она эволюционировала в процессе развития Марбургской школы от Когена к Кассиреру, а квинтэссенцию философской позиции всех ее основных представителей — Когена, Наторпа, Кассирера, которая в существе своем заключала кантовскую интенцию необходимости синтеза естественных и гуманитарных наук на рациональной основе» [9. С. 64].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Богатырева Е.А. Разноречие и разногласия: дискуссии о М. М. Бахтине в Бертиноро // Культурологический журнал. 2012. № 3.
- [2] Соболева М.Е. Герман Коген и Михаил Бахтин: диалог об эстетике? // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. М., 2010. С. 462—477.
- [3] М.М. Бахтин: Беседы с В.Д. Дубакиным. М., 2002.

- [4] Каган М.И. О ходе истории. М., 2007.
- [5] Пул Б. Роль М.И. Кагана в становлении философии М.М. Бахтина (от Германа Когена к Макс Шелеру) // Бахтинский сборник. Выпуск 3. М., 1994. С. 162—181.
- [6] Salizzoni R. Michail Bachtin, autore ed eroe. Torino, 2003.
- [7] Карагод Ю.Г. Со-бытие как способ самореализации человека // Философия. История. Культура. Вып. 2. Саратов, 2001. С. 8—11.
- [8] Orth E.W. *Von der Erkenntnistheorie zur Kulturphilosophie*. Würzburg, 1996.
- [9] Белов В.Н. Введение в философию культуры. М., 2008.
- [10] Махлин В.Л. Бахтин и неокантианство (подступы к проблеме) // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. М., 2010.

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-1-93-97

PERCEPTION OF M.M. BAKHTIN IN THE WEST: SOME GENERAL REMARKS

V.N. Belov

Sochi Institute of the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University)

Kuibyshev Str., 32, Sochi, Krasnodar Region, Russia, 354348

Abstract. In the present work is a translation of the short introductory work of Turin's Professor Roberto Salizzoni dedicated to the analysis of art of M.M. Bakhtin and some reflections of the author of the translation, which led him to assess creativity Russian thinker, present in this book of the Italian scientist. First of all, the author of the translation does not agree with the disparaging assessment of creativity of Bakhtin how unoriginal and more abounding plagiarism.

The author of the translation argues injustice exaggerated influence on the concept of Bakhtin from literary trends and ideas, including by the media those of the so-called "circle of Bakhtin". The necessity of considering of creativity of Russian thinker as philosophical, creativity independent and original. Such a conclusion can fail and approval of Neokantian origin of "philosophical roots" of Bakhtin's concept of philosophy of culture.

Key words: M.M. Bakhtin, Neo-Kantianism, "Bakhtin Circle", M.I. Kagan, L.V. Pumpaynsky, F.M. Dostoevsky

REFERENCES

- [1] Bogatyreva E. Heteroglossia and disagreements: debats on Mikhail Bakhtin at Bertinoro. *Journal of cultural research*. 2012, (3) (In Russ).
- [2] Soboleva ME. German Kogen i Mikhail Bakhtin: dialog ob estetike? *Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdru teoriei poznaniya i kritikoi kul'tury*. Moscow, 2010. P. 462—477 (In Russ).
- [3] *M.M. Bakhtin: Besedy s V.D. Duvakinym*. Moscow, 2002 (In Russ).
- [4] Kagan MI. *O khode istorii*. Moscow, 2007 (In Russ).
- [5] Pool B. Rol' M.I. Kagana v stanovlenii filosofii M.M. Bakhtina (ot Germana Kogena k Maksu Sheleru) // *Bakhtinskii sbornik*. Vypusk 3. Moscow, 1994. P. 162—181 (In Russ).
- [6] Salizzoni R. Michail Bachtin, autore ed eroe. Torino, 2003.
- [7] Karagod Yu. So-bytie kak sposob samorealizatsii cheloveka. *Filosofiya. Istoriya. Kul'tura*. Vyp. 2. Saratov, 2001. P. 8—11 (In Russ).
- [8] Orth EW. *Von der Erkenntnistheorie zur Kulturphilosophie*. Würzburg, 1996.
- [9] Belov VN. *Vvedenie v filosofiyu kul'tury*. Moscow, 2008 (In Russ).
- [10] Makhlin VL. Bakhtin i neokantianstvo (podstupy k probleme). *Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdru teoriei poznaniya i kritikoi kul'tury*. Moscow, 2010.